

of land reform in the Philippines; the EU CAP policy discriminating against Spanish producers of cheap milk; the unanticipated Sahel drought of 1968–1974 following on the heels of the unusually wet 1950s; the delayed response to mad cow disease in Britain in 1980s; the controversial record of GMO technology in regard to crop productivity and environmental impact; the high rate of disease and suicide among farmers in developing, and even developed, countries; growing dependence of even US farmers on standards imposed by big food corporations; and foreign leasing of agricultural lands in Africa, mostly by Chinese and South Korean farmers.

The author's main challenge in the effort to cover so many periods, regions, and topics is to avoid the tedium such a catalog might induce. Tauger rises to the challenge in the sense that *Agriculture in World History* is a readable, engaging book, although it does occasionally sacrifice strict chronological ordering to story and links that echo with particular themes. For example, in the chapter covering the period 1945 to 2000 the reader finds a discussion of Chinese agriculture from the Boxer Rebellion (1899–1900) through the revolution of 1911. Unsurprisingly, the chapters vary considerably in the length of historical interval covered, Chapter Six deals with just 40 years (1900–1940) while the fifth chapter treats the entire nineteenth century and the fourth treats agriculture over the course of three centuries (1500–1800). Conceivably the author had good reasons to divide the twentieth century into two epochs, preceding and following World War II, however the logic of this decision in terms of the book's theme is not obvious. Notice that the anomaly mentioned above would not occur had the two periods been treated as one.

Specialists in particular topics, regions, or periods will inevitably question many of Tauger's claims, statements, and numbers. As an example of the latter, the author cites 30 million acres of new cropland added to the USSR's crop area in the course of the virgin lands campaign (1954–1964). The correct figure is 75 million acres or more. Possibly, the author intended 30 million hectares.

More generally and more significantly, the author is well aware that his attribution of a central, causative role for the massive crop failure and famine in parts of the USSR in the early 1930s to fungal disease (rust) does not reflect the consensus view. Most scholars fault Stalin's policies that not only reduced yield but diverted it to areas of the country that better suited his industrial policies.

To summarize this review: it is easy for me to recommend to have this book on your bookshelves.

Сад в «полуденной части Крыма»

А.К. СЫТИН

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
astragalus@mail.ru

Автор этого издания¹ — Ирина Вадимовна Крюкова — ботаник-систематик, известный знаток флоры Крыма. Книга, увидевшая свет в год 200-летнего юбилея Сада, украшена превосходными иллюстрациями — жанровыми и пейзажными фотографиями, репродукциями рукописных текстов и, конечно, многочисленными портретами

¹ Крюкова И.В. Никитский ботанический сад. История и судьбы. Симферополь: Изд-во Н. Орианда, 2011. 416 с.

людей и изображениями растений (автор современных фотографий В.П. Исиков). История Сада изложена содержательно и без юбилейного глянца. Книга основана на документальных источниках, хранящихся в архиве Никитского ботанического сада и фондах многих государственных архивов, а также документах и воспоминаниях из архивов частных. Их владельцы не ошиблись, доверив интеллектуальную собственность И.В. Крюковой — она не только серьёзный историк науки, но, что, может быть, особенно важно, — свидетель и участник событий: выпускница Ленинградского университета, она более 50 лет жизни работает в Никитском саду и за эти годы глубоко сроднилась и с прекрасным крымским урочищем и с нелегкими судьбами людей, возделывавших этот удивительный Сад.

Никитский ботанический сад основан в 1812 г., в тот грозный год, когда Наполеон вторгся в Россию. Основан он двумя иностранцами — шведом и французом — ботаником Христианом Стевенем (1781–1863) и Арманом Эмманюэлем дю Плесси герцогом де Ришелье, Херсонским военным губернатором и основателем Одессы. Видимо, поэтому история Сада представляется как победоносное сопротивление слабой и нежной Флоры жестокой богине войны Беллоне — аллегория, вполне уместная для времен основания Сада. Саду покровительствовали первые лица Российской империи: Александр I (Сад имел статус Императорского и финансировался из средств Кабинета), государственный канцлер Николай Румянцев (знаменитый коллекционер и меценат передал в дар Саду редкий скульптурный портрет Линнея, помещённый в особый «темпель» — храмообразный алтарь). Генерал-губернатор Новороссийского края М.С. Воронцов вёл переписку с преемником Стевена — директором Н.А. Гартвисом (1792–1864) — и оказывал Саду всестороннюю помощь, в том числе и посылая солдат в качестве рабочей силы. Многие любители ботаники одаривали Сад растениями, например, любитель садоводства генерал Н.Н. Раевский, во время успешных боевых действий в Черкессии, «проходя по линии со всем своим штабом, поздравляя войско, а за поясом его торчал преогромный букет кавказской флоры, который он набрал во время дела» (с. 54). Раевский посылал растения на определение Ф.Б. Фишеру (1782–1854) — директору Ботанического сада в Петербурге, а связь между немногими тогда отечественными центрами ботаники была весьма оперативной. Не названный в книге по имени министр финансов (с. 48), а им был тогда Егор Францевич Канкрин, передал в Сад для опытов семена лучшего американского табака, способствуя развитию в Крыму табаководства (оно началось здесь в 1828 г.). Кстати, именно Канкрину посвятил Карл Ледебур (1786–1851) свою «Flora Rossica». Министр покровительствовал отечественной промышленности в духе идей германских физиократов и вёл политику протекционизма. Значимость прикладной, как тогда говорили «экономической» ботаники, занимавшей помыслы высших должностных лиц Российской империи, была настолько велика, что интродукция, акклиматизация и культура полезных экзотических растений, доставляемых практически со всех континентов, стала определяющей деятельностью Сада.

Винограду, имевшему преимущество перед другими культурами, отдавалось много заботы. Его развитию способствовало учреждение Училища садоводства и виноделия

в урочище Магарач (гл. 2). Успехи Сада на этом поприще доказывают многочисленные дипломы, свидетельствующие если не о мировом признании, то о создании конкурентоспособного продукта.

Если в XIX в. даже Крымская война не оказала чувствительного урона Саду, то XX в. стал гораздо более серьезным испытанием для него. Он начинался с волнений и студенческих беспорядков в Никитском училище.

Наряду с этим новое достоинство обретала наука. Приход Евгения Владимировича Вульфа (1885–1941) ознаменовал новый этап ботанико-географического изучения Крыма. Немалую роль сыграло и недолгое директорство Николая Ивановича Кузнецова (1915–1919), вынужденного покинуть профессорскую кафедру в Юрьеве (нынешнем Тарту), в связи с начавшейся Первой Мировой войной. В соответствии с разработанной им филогенетической системой был распланирован участок аборигенных растений флоры Крыма (с. 147). Несмотря на последующие интервенцию, Гражданскую войну, голод первых послереволюционных лет флористические работы велись интенсивно, приращение гербария шло быстрыми темпами — 24 524 листа в 1919 г., 40 тыс. листов в 1922 г. и около 65 тыс. листов к 1938 г., когда Вульф окончательно переехал в Ленинград. Трагическая гибель в первую блокадную зиму Вульфа, день в день (21.12.1941) совпала со смертью истощённого голодом его ближайшего соратника В.П. Малеева (с. 237). Но творческий импульс создания критической сводки «Флора Крыма» завершился её осуществлением в трёх томах и 11 выпусках (1927–1969) благодаря усилиям С.С. Станкова (1882–1962) и созданной им группы систематиков Н.И. Рубцова, Л.А. Приваловой и др.

Плодотворной была и идея Вульфа о создании заповедника на мысе Мартъян, однако природоохранные мероприятия растянулись — «памятником природы» Мартъян стал в 1947 г., а статус Государственного заповедника и специального научного отдела Никитского сада получил лишь в 1973 г.

Второе рождение Сада (гл. 4), происходившее в советский период и связанное с общим подъемом экономики страны, вновь сменяется катастрофой — началом Великой Отечественной войны. Источники по периоду оккупации Крыма чрезвычайно скудны, но автор приводит воспоминания «детей войны», переживших это время в Саду. Первым временным комендантом Сада был назначен сотрудник «Форшунг-централя» геоботаник Генрих Вальтер (1898–1989), известный ботанико-географ и эколог. Уроженец Одессы, он занимался изучением степей и прекрасно говорил по-русски: «Я надеялся, как только в Крыму будут окончены военные действия, мне будет поручено руководить знаменитым ботаническим Никитским садом возле Ялты» (с. 219). Он высоко оценил Гербарий — упакованный ввиду несостоявшейся эвакуации. По указанию Вальтера Гербарий был доставлен в Познань (Польша), куда была вызвана для работы с ним и сотрудница Сада Л.А. Симанская. В 1944 г., в условиях регулярных бомбежек союзной авиации гербарий был тайно перемещён. Интенсивные розыски, предпринятые директором Сада А.С. Ковергой, который ходатайствовал перед маршалом Ф.И. Толбухиным о его возвращении, увенчались успехом. Весной 1945 г. гербарий был обнаружен в местечке Беншене (Беггене) под Берлином, где он оказался вместе с огромным киевским гербарием и коллекциями насекомых и птиц, также вывезенных из Киева, в пустых конюшнях брошенного поместья. Заключённый в добротные шкафы гербарий полностью сохранился. Для возвращения всех коллекций на родину в распоряжение Коверги был предоставлен целый автобатальон, затем поезд. Коллекции были доставлены в Киев и Крым.

Разумеется, Саду за годы войны был нанесён огромный урон (материальный ущерб был оценен в 11 063 923 руб., с. 223). Но хочется подчеркнуть, что живые подробности взаимоотношений представителей германского командования, солдат (в основном венгров) и сотрудников Сада, изложены автором с использованием разносторонних источников, что позволяет читателю живо представить противоречивую сложность выживания мирного населения в условиях оккупации.

За годами послевоенного восстановления (гл. 6) следует период, названный «Золотым веком» Сада (1960–1990) и связанный с деятельностью М.А. Кочкина, под руководством которого все многочисленные подразделения его работали без перебоев, кроме того, открылась аспирантура, что обогатило Сад квалифицированными научными кадрами.

Заключительный раздел книги «И снова на рубеже веков...» говорит о положении Сада в последние противоречивые десятилетия. Никитский ботанический сад (НБС-ННЦ), входит ныне в систему Национальной академии аграрных наук Украины. Некоторые коммерческие проекты, предпринятые его директором В.Н. Ежовым, способствуют сохранению коллекций и вселяют надежду на возрождение. Возможность эта следует и из истории ботанического сада, преодолевшего и более трудные времена. О жизнеспособности Сада свидетельствует и замечательная книга Ирины Крюковой.

Несколько неточностей в тексте несколько не умаляют достоинств книги. Так, например, «профессор Якин в Вене» (с. 36) — это австрийский ботаник Жакен (Jacquin, Joseph Franz, 1766–1839). Не хватает именного указателя, который сделал бы работу с книгой более удобной.

Как молоды мы были...

К.Г. МИХАЙЛОВ

Московский государственный университет, Москва, Россия;
mikhailov2000@gmail.com

Благодаря кипучей деятельности сотрудницы кафедры гидробиологии МГУ Людмилы Ильиничны Лебедевой вышла вот уже четвёртая книга, посвящённая истории биологического факультета, одного из самых больших в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова¹.

Биологический факультет как подразделение МГУ существует с 1930 г. и первоначально размещался в старом здании МГУ на Охотном ряду (проспекте Маркса), занимающая несколько корпусов, в том числе и Зоологический музей. Торжественное открытие нового здания МГУ на Ленинских горах состоялось 1 сентября 1953 г., но отдельный корпус биолого-почвенного факультета был открыт через год, только в 1954 г.

¹ Новоселье биологов МГУ на Ленгорах / сост. Л.И. Лебедева. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2011. 736 с. Предыдущие книги этой серии: Мозаика судеб биофаковцев МГУ 1930–1960 годов поступления / сост. Л.И. Лебедева. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2007. Т. I. 1930–1950-е годы. 479 с.; Т. II. 1951–1960-е годы. 640 с.; Автопортреты поколения биологов МГУ. Выпускники биофака МГУ о биофаке, об учителях, о себе (1950–2000) / сост. Л.И. Лебедева. М.: Изд-во МГУ, 2000. 509 с.